

Дженнифер Иган
Время смеется
последним

Jennifer Egan

A Visit from
the Goon
Squad

Дженнифер Иган
Время смеется
последним

Перевод с английского
Натальи Калошиной

издательство **аст**

Москва

УДК 821.111 (73)-31
ББК 84(7Сое)
Из6

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Иган, Дженнифер
И26 **Время смеется последним** : роман / ДЖЕННИФЕР ИГАН; пер. с англ. Н. КАЛОШИНОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-17-078153-9 (ООО “Издательство АСТ”)

Дженнифер Иган — блестящая американская писательница и журналистка, давно и прочно завоевавшая любовь публики. Ее роман “Цитадель” стал национальным бестселлером, а книга “Время смеется последним” принесла автору мировую известность и самую престижную литературную награду США — Пулитцеровскую премию.

Действие охватывает почти полстолетия, включая 20-е годы нынешнего века. Юность героев совпадает с зарождением панк-рока, и он навсегда входит в их жизнь, а для кого-то становится призванием. Сама книга построена как музыкальный альбом: две ее части так и называются — “Сторона А” и “Сторона Б”, а у каждой из тринадцати самостоятельных глав, как у песен, своя тема. Успешный продюсер Бенни Салазар и его помощница Саша окружены целым созвездием ярких персонажей. Их судьбы сплетаются в единый сюжет, где есть любовь и музыка, слава и нищета, надежды и измены. Жизнь щедра не ко всем, но каждый по-своему пытается противостоять времени и сохранить верность себе и своей мечте.

УДК 821.111 (73)-31
ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-078153-9 (ООО “Издательство АСТ”)

- © 2010 by Jennifer Egan
 - © Н. Калошина, перевод на русский язык, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

СТОРОНА А

1. Вещи из жизни	13
2. Золотые хлопья	33
3. Да плевать	59
4. Сафари	85
5. Все вы	119
6. Крестики-нолики	130

СТОРОНА Б

7. От А до Б	155
8. Продать генерала	190
9. “Тет-а-тет с Китти Джексон! Сорок минут откровений о любви, славе и Никсоне”	228
10. Над телом	249
11. Прощай, моя любовь	278
12. Великие паузы рок-н-ролла	312
13. Чистый язык	388

*Питеру М.,
с благодарностью*

Поэты уверяют, будто, опять входя в дом, в сад, где протекала наша
молодость, мы на миг становимся теми же, что и тогда.

Паломничества эти очень опасны, они могут обрадовать нас,
но и разочаровать. Края неменяющиеся — свидетелей
былых времен — лучше всего искать в самих себе.

Неведомое в жизни людей подобно неведомому в природе: каждое
научное открытие заставляет его отступить, но не упраздняет его.

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

*В поисках утраченного времени**

* Перевод Н. Любимова, А. Франковского.

СТОРОНА А

Глава 1

Вещи из жизни

Начиналось как обычно: стоя перед зеркалом женского туалета гостиницы “Лассимо”, поправляя желтые тени на веках, Саша заметила на полу под раковиной сумку, хозяйка которой, видимо, только что удалилась в кабинку — из-за ближней двери доносилось характерное журчание. Из сумки торчал уголок бледно-зеленого кожного бумажника. После, оглядываясь назад, Саша конечно же поняла, что ее тогда подтолкнуло: слепая доверчивость той женщины в кабинке. *Да в этом городе чуть отвернешься — волосы утянут с головы, а она побросала вещички у всех на виду и думает, они тут будут ее дожидаться?* Естественно, Саше захотелось ее проучить. Но за этим понятным желанием таилось другое Сашино желание — давнее, глубоко сидящее: мягкий, толстый бумажник сам просился к ней в руки. Оставить его лежать в сумке было бы скучно, другое дело отважиться, дерзнуть, рискнуть, не спасовать (“Я понял”, — кивнул Кос, ее психотерапевт) — короче, *взять* его, и точка.

— То есть украсть, — уточнил Кос.

Он старался приучить Сашу к этому слову — а в случае с бумажником избежать его было труднее, чем с множеством других вещей, “взятых” Сашей за последний год, когда ее “состояние” (как его именовал Кос) начало усугубляться. Пять связок ключей, четырнадцать пар темных очков, детский полосатый шарфик, бинокль, терка для сыра, складной нож, двадцать восемь кусков мыла, восемьдесят пять ручек — от дешевых шариковых, прихваченных в кассе, где надо было расписаться на чеке, до перьевой от Висконти (цвет баклажан, цена в интернет-магазине двести шестьдесят баксов), которую она умыкнула у юриста своего бывшего босса во время подписания какого-то контракта. В магазинах Саша давно уже ничего не брала, холодные безликие товары на полках ее не прельщали. Только чьи-то вещи, из жизни.

— Ну украсть, украсть, — буркнула она.

Это ее глубинное желание называлось у них с Косом “личностным вызовом”: взяв бумажник, она как бы принимала этот вызов и сохраняла верность себе. Их же задача состояла в том, чтобы перестроить кое-что у нее в голове — чтобы вызовом стало не взять бумажник, а именно удержаться и *не взять*. И тогда она излечится; хотя о “лечении” они никогда не говорили, Кос вообще таких слов не употреблял. Он носил яркие стильные свитера и разрешал называть себя по имени, но в остальном был непроницаем, как доктора старой школы, вплоть до того, что Саша совершенно ничего про него не понимала: кто он — гей или натурал, автор знаменитых трудов или (как ей иногда казалось) бессовестный шарлатан типа тех, что берутся делать трепанацию, а потом забывают какой-нибудь пинцет или ланцет в черепе у пациента. Конечно,

всю информацию можно было нагуглить за минуту, но Кос считал, что над такими вопросами полезно иногда поразмышлять, и Саша пока размышляла.

У него в кабинете стояла кушетка, обтянутая синей мягкой кожей. Кос однажды объяснял, почему ему нравится работать с кушеткой: это избавляет его и пациента от зрительного контакта.

— Вы не любите зрительный контакт? — удивилась Саша. Ей показалось, это несколько неожиданно для психотерапевта.

— От него устаешь, — ответил Кос. — А так мы оба можем смотреть, куда нам нравится.

— И куда вам нравится?

— Все перед вами, — улыбнулся он.

— Нет, правда, куда вы обычно смотрите, когда у вас пациент на кушетке?

— На стены, — сказал Кос. — На потолок. В пространство.

— А спать не тянет?

— Нет.

Саша обычно смотрела в окно, по которому сегодня катились дождевые волны. Итак, бумажник был мягкий и нежный как перезрелый персик, и Саша его взяла — вытянула из сумки той женщины, опустила в свою сумочку и застегнула молнию. Еще до того, как журчанье в кабинке прекратилось, она толкнула дверь туалета и неторопливой походкой вернулась через гостиничный вестибюль обратно в бар. С хозяйкой бумажника они не встретились.

До бумажника вечер казался Саше пыткой: еще одно пустое бездарное свидание. Парень скучал, поглядыв-

вал из-под свисающей челки на экран телевизора, игра “Нью-Йорк Джетс” определенно занимала его больше Сашиного рассказа — пусть слегка затянувшегося, но говорила-то она про Бенни Салазара, знаменитого основателя звукозаписывающей компании “Свиное ухо”, который, между прочим (Саша знает, она у него работала), пьет кофе с золотыми хлопьями (для потенции, что ли?) и прыскается инсектицидами вместо дезодоранта.

Зато после бумажника весь мир вдруг словно очнулся, зазвенел праздничным ожиданием. Пробираясь к своему столику, зажимая локтем отягощенную тайной сумочку, Саша ловила на себе взгляды официантов. Она отпила глоток дынного мартини, откинула голову и посмотрела Алексу прямо в глаза.

— Привет! — сказала она и послала ему свою особенную улыбку, которая называлась “да-нет”.

Да-нет-улыбка оказалась потрясающе действенной.

— Ты чего такая счастливая? — удивился Алекс.

— Я всегда счастливая, — ответила Саша. — Просто иногда об этом забываю.

Пока она ходила в туалет, Алекс заплатил по счету — явно собрался прощаться. Но теперь он опять приглядывался к Саше с интересом.

— Ну что, ходим еще куда-нибудь? — спросил он.

Они встали. Алекс был в белой рубашке и черных вельветовых брюках. Он работал секретарем в адвокатской конторе. В сети он строчил ей забавные, почти дурашливые письма, но в реале казался озабоченным и одновременно скучающим. Зато физически — видно, что в отличной форме, не из-за тренажеров, а просто по молодости лет: мышцы еще не утратили эластичности после

школьных и университетских спортивных секций. Для Саша этот период уже закончился, тридцать пять есть тридцать пять. Хотя даже Кос не знал, сколько ей на самом деле лет. На вид ей все пока давали не больше тридцати одного, а чаще до тридцати. Она ежедневно занималась в спортзале и старалась меньше бывать на солнце. Во всех ее профайлах в сети значилось: двадцать восемь.

Выходя с Алексом из бара, она не удержалась, приоткрыла сумочку и потрогала толстый бледно-зеленый бумажник — сердце, как всегда, радостно сжалось.

— Вы очень внимательны к своим ощущениям после кражи, — прервал ее Кос. — Даже оживляете их потом в памяти, чтобы доставить себе удовольствие. А о том, как чувствует себя тот человек, вы задумывались?

Саша на кушетке задрала голову и уставилась на Коса: она делала так время от времени, просто чтобы напомнить ему, что она не идиотка, знает правильные ответы на его вопросы. Саша с Косом были соавторами, они вместе писали повесть с заранее известным концом: Саша излечится. Она перестанет воровать и вернется ко всему тому, чем жила раньше, — к музыке, к друзьям, которых обрела в первые годы после переезда в Нью-Йорк, к спискам жизненных целей на сероватой бумаге, висевшим на стенах ее первых съемных квартир:

Стать менеджером группы

Разобраться в новостях

Выучить японский

Играть на арфе!!!

— Нет, — ответила Саша. — Не задумывалась.

— Между тем с эмпатией у вас все в порядке, — заметил Кос. — Как нам известно из истории с водопроводчиком.

Саша вздохнула. Эту историю она рассказала Косу с месяц назад, и с тех пор он ухитрялся возвращаться к ней практически на каждом сеансе. Старика-водопроводчика прислал тогда хозяин квартиры — выяснить, откуда взялась протечка у нижних соседей. С порога он направился напрямик на кухню, бухнулся на пол и заполз под Сашину ванну, как зверь в знакомую нору. У него были седые растрепанные волосы, пальцы с вьёвшейся грязью походили на сигарные окурки. Пока он тянулся этими окурками к каким-то трубам и болтам под ванной, его рубашка вздернулась, оголив белую дряблую поясницу. Саша отвернулась. Ей было неловко смотреть на старика, униженно ползавшего у нее под ногами, и пора уже было бежать на очередную временную работу, а она не могла, потому что водопроводчик все задавал и задавал какие-то вопросы: часто ли она принимает душ, подолгу ли она его принимает.

— Вообще не принимаю, — буркнула она. — Для этого спортзал есть.

Он молча кивнул, откровенной грубости даже не заметил — видно, привык. У Саши начало пощипывать в носу; она зажмурилась и потеряла виски.

Открыв глаза, она увидела на полу прямо у своих ног пояс со слесарными инструментами, и в этом поясе, в одном из его потертых кармашков, лежала прекрасная отвертка со сверкающим серебристым стержнем и леденцовой оранжевой ручкой. Сашу неудержимо потянуло к этой отвертке: она должна, должна хотя бы дотронуться до нее! И Саша присела и бесшумно вытянула ее из кармашка —

даже браслеты на запястье не звякнули; особой ловкостью она, может, и не отличалась, но в этом деле руки никогда ее не подводили — *будто для того и созданы*, думала она иногда в первые эйфорические минуты. Едва отвертка оказалась у нее в руках, ей стало легко и не больно смотреть на старика в задравшейся рубашке, который кряхтит и сопит у нее под ванной; даже не просто легко: ей стало решительно, восхитительно все равно, она уже вообще не понимала, с чего вдруг ей только что было так больно.

— А после? — спросил Кос, когда Саша рассказала ему эту историю в первый раз. — Когда он ушел — что вы чувствовали, глядя на эту отвертку?

Саша долго молчала, потом ответила:

— Ничего.

— То есть отвертка уже не казалась вам такой особенной?

— Отвертка как отвертка.

Кресло Коса за Сашиним изголовьем скрипнуло, и в комнате вроде бы что-то изменилось. Тогда, после ухода водопроводчика, Саша положила отвертку на свой столик и больше на нее практически не смотрела. Все украденное хранилось у нее дома на специальном столике (правда, недавно к первому столику пришлось приставить второй). Но теперь вдруг отвертка как будто очутилась здесь, в кабинете, и повисла в воздухе между нею и Косом — как символ.

— И как вы себя чувствовали? — тихо спросил Кос. — Когда обокрали старика, к которому испытывали жалость?

Как она себя чувствовала. Как чувствовала. У этого вопроса тоже был правильный ответ, и Саша его, конечно,

знала. Хотя иногда ей страшно хотелось соврать, просто чтобы лишить Коса удовольствия его услышать.

— Плохо, — сказала она. — Плохо я себя чувствовала, довольны? По-вашему, какого хрена я обращаюсь к психотерапевту, влезаю в долги, чтобы расплатиться за ваши сеансы? Уж наверное не от прекрасного самочувствия.

Кос несколько раз пытался проводить параллели между водопроводчиком и Сашиним отцом, который исчез, когда ей было шесть лет. Она упорно уходила от таких разговоров. “Не знаю. Не помню. Мне нечего сказать”, — отвечала она Косу, потому что считала, что так будет лучше для них обоих. Ведь они с Косом пишут повесть о том, как она скинет с себя тяжесть и начнет новую жизнь. А с той стороны, где отец, — откуда ей взяться, новой жизни? Там одна печаль.

Направляясь с Алексом к выходу, Саша прижимала к себе сумочку, пухлый теплый бумажник уютно устроился у нее под мышкой. Они уже пересекли вестибюль, миновали дерево в кадке, растопырившее ветки с нераскрытыми почками, и подходили к большим стеклянным дверям, когда откуда-то сбоку наперерез им метнулась женщина.

— Пойдите! — выдохнула она. — Вы не видели?.. Я.. просто не знаю, что мне делать.

Внутри у Саши что-то оборвалось. Хозяйка бумажника, поняла она, — хотя в женщине не было ничего от той глуповатой брюнетки, какой Саша ее себе представляла. Ее карие глаза смотрели растерянно, остроносые туфли на низком каблуке оглушительно щелкали по мрамору. В каштановых волосах просвечивала седина.

Саша взяла Алекса под руку и попыталась вместе с ним обогнуть женщину. От неожиданного прикосновения Алекс заметно приободрился — но все же не дал себя увести, замедлил шаг.

— Что мы должны были видеть? — спросил он у женщины.

— У меня украли бумажник. Там паспорт, там билеты, там все. А самолет завтра утром... Я в отчаянии!.. — Она так умоляюще заглядывала им в глаза, так не по-нью-йоркски открыто зывала о помощи, что Саше стало не по себе. Почему-то ей не приходило в голову, что хозяйка бумажника может оказаться приезжей.

— Полицию вызвали? — спросил Алекс.

— Портье обещал вызвать.. Но я пока надеюсь, вдруг я просто его обронила? И он где-нибудь лежит, а?.. — Она растерянно оглядела мраморный пол под ногами. Саша слегка расслабилась. Нет, все-таки в ней есть что-то неприятное. Вот хоть сейчас: зачем она семенит за Алексом к стойке портье с таким жалким извиняющимся видом? Саша двинулась следом, чуть приотстав.

От стойки донесся голос Алекса:

— Кто-нибудь занимается этой женщиной?

— Полиция уже в курсе, — поспешно ответил портье, молодой человек панковатого вида, волосы торчком.

— Где это случилось? — спросил Алекс у женщины.

— Кажется, в туалете.

— Кто еще там был?

— Никого.

— Вообще никого?

— Может, кто и заходил, но я не видела.

Алекс обернулся к Саше.

— Ты только что оттуда, — сказал он. — Никого там не заметила?

— Нет, — выдавила из себя Саша.

У нее в сумочке лежал ксанакс, но она не могла открыть сумочку. Даже сейчас, при застегнутой молнии, она замирала от страха: а вдруг они по каким-нибудь косвенным признакам догадаются, что бумажник у нее, — что тогда? Арест, позор, нищета, смерть.

— Мне интересно, — Алекс резко развернулся к портье, — почему все эти вопросы задаю я, а не вы? В вашей гостинице произошло ограбление. В конце концов, есть у вас служба охраны или нет?

Слова “ограбление” и “служба охраны” сделали свое дело: привычный для гостиничного персонала сонный ритм слегка сбился, в вестибюле началось какое-то движение.

— Я им уже звонил. — Портье беспокойно дернул шеей. — Могу еще раз позвонить.

Алекс горячился, и эта горячность говорила о нем больше, чем предыдущий час пустой болтовни (впрочем, болтала в основном Саша): он тоже не местный, приехал из какого-то маленького городка. И кажется, собрался объяснить всему Нью-Йорку, как люди должны относиться друг к другу.

В вестибюле появились два классических, как с телеэкрана, охранника: сплошные мускулы, безупречная вежливость и безупречная готовность (кому тут раскроить череп?). Охранники направились обыскивать бар, и Саша тут же пожалела, что не выкинула бумажник куда-нибудь под столик — ей уже почти казалось, что она так и собиралась сделать, просто не успела.

— Пойду посмотрю в туалете, — сказала она Алексу, замедленно-неторопливо обогнула лифт и скрылась за углом.

В туалете было пусто. Саша расстегнула сумочку, выхватила бумажник и нашарила на дне сумочки ксанакс. Вытряхнула из флакона таблетку, разжевала, чтобы подействовало сразу. Когда рот наполнился едким вкусом, она огляделась, держа бумажник в руке. Куда его, в кабинку? Под раковину? Надо было решать срочно, но Саша будто оцепенела. Теперь главное выпутаться, и если все получится, если не сорвется в последний момент — мысленно она уже давала Косу самые безумные клятвы.

Дверь туалета открылась, и вошла хозяйка бумажника, ее отчаянный взгляд встретился в зеркале с отчаянным Сашиним взглядом. Женщина молчала, но было ясно, что она все знает, знала с самого начала. Саша протянула ей бумажник и тут же — по изумлению в глазах женщины — поняла, что ошиблась.

— Простите, — быстро проговорила Саша. — Это у меня болезнь.

Женщина открыла бумажник. Ее физическое облегчение оттого, что бумажник нашелся, окатило Сашу такой горячей волной, как если бы они стояли, тесно прижавшись друг к другу.

— Все на месте, — сказала Саша. — Я даже не открывала, честное слово. Это болезнь, но я лечусь, я прохожу курс, просто... Пожалуйста, не говорите никому. Я и так вишу на волоске.

Женщина подняла глаза от бумажника и принялась разглядывать Сашино лицо. Что она в нем видит? Саше хотелось обернуться к зеркалу — вдруг вот сейчас

в ее отражении отыщется наконец то, что потерялось когда-то давно. Но она не обернулась, а стояла и ждала, пока женщина ее разглядывала. Неожиданно Саша поняла, что они примерно ровесницы — если считать настоящий, а не онлайн-возраст. А дома ее, наверное, ждут дети.

— Хорошо. — Женщина опустила глаза. — Пусть все останется между нами.

— Спасибо, — сказала Саша. — Спасибо. Спасибо. — От первой мягко подхватившей ее волны ксанакса у Саши закружилась голова, и стало страшно легко. Она прислонилась спиной к стене и чуть не сползла на пол. Женщине, кажется, хотелось уже только одного — скорее уйти.

В дверь постучали, и мужской голос крикнул:

— Ну, что там у вас?

Когда Саша с Алексом вышли из гостиницы, на улице было ветрено и безлюдно. Саша предложила “Лассимо” просто по привычке, потому что это в Трайбеке, в двух шагах от “Свиного уха”, где она двенадцать лет проработала ассистентом у Бенни Салазара. Но раньше тут стоял ВТЦ — по ночам он изливал на город потоки света, наполняя Шашино сердце надеждой, а теперь не было ни ВТЦ, ни света, ни надежды. И Алекс начал ее утомлять. Казалось бы, после совместно пережитого между ними должно было установиться взаимопонимание, но вместо этого за двадцать минут они поняли друг о друге не то что много — а как-то слишком много. Он шел шурясь от ветра (сбоку Саша видела его длинные темные ресницы), натянув вязаную шапку на лоб.

— Странно, — сказал наконец он.

Саша кивнула. Помолчав, спросила:

— В смысле, странно, что нашли?

— Да все вместе. И это тоже. — Он повернулся к ней. — Что ж она раньше-то его не заметила?

— Он лежал в стороне. За каким-то фикусом. — Не успела Саша солгать, как колкие мурашки, временно убаюканные ксанаксом, снова поползли по затылку. Она чуть не ляпнула, что на самом деле никакого фикуса не было, но сдержалась.

— Может, она нарочно устроила весь этот спектакль? — задумчиво проговорил Алекс. — Внимания захотелось или еще уж не знаю чего?

— Вроде она не из тех.

— Ну, мало ли. Тут в Нью-Йорке хоть сдохни, все равно не поймешь про человека, кто он такой. Все кругом не то что двуликие, а столикие какие-то.

— Она не из Нью-Йорка. — В гостинице ненаблюдательность Алекса была, конечно, кстати, но она уже начинала Сашу раздражать. — Помнишь, что она сказала: утром у нее самолет.

— А-а... Да, верно. Но ты со мной согласна? — Алекс всматривался в темноте в Шашино лицо. — Про столикость?

— Согласна, — сказала она уклончиво. — Хотя, думаю, к этому можно привыкнуть.

— Ладно, давай уже двигать в какое-нибудь другое место.

Саша не сразу поняла, о чем он.

— А нет никаких других мест. Кончились, — ответила она.

Алекс замедлил шаг от неожиданности. Потом осклабился — сверкнул в темноте зубами, и Саша сверкнула ему в ответ. Получилась не да-нет-улыбка, но вполне терпимо. — Бедные мы, — сказал он. — Что будем делать?

До Сашиного дома в Нижнем Ист-Сайде они доехали на такси, на четвертый этаж взбирались пешком, за отсутствием лифта. Саша жила здесь седьмой год. В квартире, пропахшей ароматическими свечами, стоял раскладной диван, застеленный бархатным покрывалом, весь в подушках и подушечках, перед диваном цветной телевизор (древний, но показывает нормально), на подоконниках — сувениры времен Сашиных скитаний: белая морская раковина, пара красных игральные костей, баночка китайского тигрового бальзама, резинового от старости, крошечный бонсайчик, который Саша честно поливала.

— Ого, да у тебя ванна посреди кухни! — оживился Алекс. — Я слышал про такие фишки в старых квартирах, вернее, читал, но думал, их давно не осталось. Душ уже потом приделали, да? А ванна прямо старинная?

— Угу. Но я ей практически не пользуюсь. Моюсь в спортзале.

Ванна была прикрыта широкой доской, на которой Саша держала тарелки. Алекс провел рукой по эмалированному краю, поразглядывал фигурные ножки в форме когтистых лап. Саша зажгла свечи, достала из шкафчика бутылку граппы и наполнила две рюмки.

— Кайф, — сказал Алекс. — Старый Нью-Йорк! Одно дело знать, что где-то такое существует, а другое — увидеть собственными глазами.

Саша, присев на край ванны, отпила глоток граппы. Вкус как у ксанакса. Интересно, сколько Алексу лет? Она попыталась вспомнить, что написано в его профайле. Двадцать восемь, кажется. Ну, на вид сильно моложе. Попробовала взглянуть на свою квартиру его глазами: получилась этакая колоритная историческая достопримечательность. Но колорит скоро потускнеет, исчезнет под пластами других впечатлений — в Нью-Йорке их масса, особенно для тех, кто здесь недавно. И она сама потускнеет, как бледная искорка в сплошном мутноватом потоке. Саша без особой радости представила, как через пару лет он будет мучиться, вспоминая: что это была за квартирка с ванной посреди кухни? Что это была за девушка?

Алекс отлепился от ванны и пошел бродить по квартире. По одну сторону от кухни Сашина спальня, по другую, окнами на улицу, — гостиная, она же кабинет с двумя креслами и письменным столом. За этим столом Саша сочиняла рекламные тексты для групп, в которые она верила, и писала коротенькие рецензии для “Вайба” и “Спина” — правда, в последние годы ее связи с журналами как-то сошли на нет. Вообще за шесть лет эта квартирка, казавшаяся поначалу перевалочной базой, краткой остановкой на пути к чему-то лучшему, незаметно сгустилась и уплотнилась вокруг Саши, и сама Саша прочно увязла в ней — и уже выходило, что так и должно быть и она не съезжает отсюда потому, что ей так нравится, а не потому, что некуда.

Алекс наклонился над подоконником, осмотрел маленькую коллекцию сувениров. Постоял перед фотографией Роба, Сашиного друга, который утонул, когда они учились в колледже. Ничего не сказал. Он пока еще не за-

метил двух столиков, на которых Саша держала краденые вещи: ручки, бинокли, ключи; детский шарфик, соскользнувший на пол, пока мама за руку тащила дочку к выходу из “Старбакса”, — Саша его подняла, но не стала догонять маму с девочкой. Тогда она уже ходила к Косу на сеансы и сама все прекрасно понимала — и про шарфик, и про весь длинный перечень своих оправданий: зима почти кончилась; девочка скоро вырастет; а шарфик этот она наверняка терпеть не может; поздно, их уже не догонишь, да и неловко как-то возвращать; я же могла его и не заметить — я и не заметила, вот только сейчас замечаю: *Ой, шарфик! Детский, желтенький, в розовую полосочку — жалко, что потерялся, чей он, интересно? Подниму-ка его, чего он тут будет валяться...* Дома Саша бережно выстирала, высушила и аккуратно свернула полосатый шарфик. Она очень его любила.

— А это что? — спросил Алекс.

Он наконец заметил столики и теперь разглядывал сваленные в кучу вещи. Куча чем-то напоминала бобровую хатку: не разберешь, что к чему, но во всем угадываются цель и смысл. Саше, когда она на нее смотрела, казалось, что куча слегка подрагивает от внутреннего зряда, что в ней гудят ее, Сашины, страхи и маленькие победы и тикают секунды чистой пьянящей радости. Годы ее жизни в сжатом виде. Отвертка торчала с краю. Саша подошла, чтобы лучше видеть лицо Алекса.

— И как вы себя чувствовали, стоя рядом с Алексом перед этой горой ворованных вещей? — спросил Кос.

Щеки у Саши горели, и она злилась на себя за это. Она отвернулась и вжалась лицом в прохладную синюю кушетку. Ей совсем не хотелось рассказывать Косу, какую

гордость она испытывала, когда Алекс разглядывал ее вещи. Гордость и нежность; и оттого, что ей было стыдно, нежность становилась только острее и глубже. Она рисковала, все ставила на карту, и вот результат — грубое, уродливое, чистое ядро ее жизни. Пока взгляд Алекса перебегал с предмета на предмет, что-то произошло у Саши внутри. Она подошла к нему со спины, обхватила руками. Алекс развернулся к ней удивленно, но радостно. Она поцеловала его вzasос, потом расстегнула ему ширинку. Сбросила сапоги. Алекс начал подталкивать ее в спальню, к дивану, но Саша опустилась на колени прямо в гостиной, возле своих столиков, и потянула его вниз. Персидский ковер колот ей спину, свет фонарей падал из окна на счастливое алчущее лицо Алекса, на голые белые ноги.

Потом они долго молча лежали на ковре. Свечи потрескивали. Угловатые ветки бонсайчика чернели на фоне окна. Возбуждение иссякло, осталась лишь печально зияющая пустота. Саша, покачиваясь, поднялась с пола. Пусть бы он уже надел штаны и ушел. А рубашку он и не снимал.

— Знаешь, что бы я сейчас с удовольствием сделал? — сказал Алекс, вставая. — Искупался бы в твоей ванне.

— Купайся, — бесцветно ответила она. — Все работает. Водопроводчик недавно приходил.

Она натянула джинсы и рухнула в кресло. Алекс пошел на кухню, перенес тарелки на стол, убрал доску, и вода с шумом хлынула в ванну. Сашу всегда поражал этот мощный напор — в те редкие разы, когда она открывала кран.

Черные вельветовые брюки Алекса валялись на полу у ее ног. Из заднего кармана выпирал квадратный бумаж-

ник. Рубчики вокруг него стерлись — видно, Алекс всегда клал бумажник в один и тот же карман. Саша вскинула глаза. Алекс трогал рукой воду, из ванны поднимался пар. Вернувшись в комнату, он прошел прямо к столикам и стал разглядывать вещи, будто искал что-то конкретное. Саша наблюдала молча. Она надеялась, что приятное возбуждение снова шевельнется внутри, но ничего не произошло.

— Можно я возьму это?

Он держал в руке шуршащий пакет в горошек — соль для ванны. Саша взяла ее у своей лучшей подруги Лиззи несколько лет назад, незадолго до того, как они перестали разговаривать. Пакет был невскрытый. Чтобы выудить его снизу, Алексу пришлось разгрести всю кучу. Как он его углядел-то?

Саша колебалась. Они с Косом много говорили о том, почему она не пользуется краденными вещами, хранит их отдельно: раз не пользуется — значит, брала не из корыстных побуждений; пока они не тронуты, у нее еще как бы есть шанс их вернуть; когда они собраны здесь все вместе, их сила не распыляется.

— Бери, конечно, — сказала она, отметив про себя, что совершает сейчас важный, даже символический шаг внутри той повести, которую сочиняют они с Косом. Не ясно только, шаг к хеппи-энду или наоборот.

Саша почувствовала пальцы Алекса у себя на затылке: он гладил ее волосы.

— Тебе как нравится? — спросил он. — Погорячее, похолоднее?

— Погорячее. Я люблю, когда горячо.

— Я тоже.

Он опять прошлепал на кухню, покрутил краны, регулируя температуру, и сыпанул в воду соли из пакета. Квартира тут же наполнилась мучительно знакомым травяным запахом: так пахло в ванной у Лиззи в те дни, когда они вдвоем возвращались после пробежки по Центральному парку и Саша принимала у нее душ.

— Где у тебя полотенца? — крикнул Алекс.

Корзина с полотенцами стояла в туалете на полке. Алекс зашел, закрыл за собой дверь. Как только струя полилась в унитаз, Саша соскользнула на пол, вытянула из вельветового кармана бумажник, раскрыла — и сердцу сразу стало тесно и горячо, очень горячо. Простой черный бумажник, белесоватый по краям. Одним движением Саша пролистала содержимое: кредитка, служебное удостоверение, пропуск в спортзал. В боковой кармашке истертые фотокарточки: трое на пляже, девчонка с зубными пластинками и двое мальчишек щурятся против солнца; спортивная команда в желтом, но лица крошечные — есть тут Алекс или нет, не разглядишь. Из кармашка к Саше на колени выпал сложенный листок в выцветшую голубую линейку, Саша его развернула. “Я ВЕРЮ В ТЕБЯ”. Она застыла, разглядывая толсто выведенные простым карандашом слова. И они ее как будто разглядывали, и от этого Саше вдруг стало неловко и стыдно за Алекса, что он хранит это потрепанное послание в своем потрепанном бумажнике, и за себя, что она его прочла. В туалете загудел сливной бачок, она торопливо захлопнула бумажник — записка осталась в руке. Сейчас, сейчас, я только подержу ее немного, говорила она себе, заталкивая бумажник обратно в карман. А потом верну. Да он, может, и не помнит, что это у него за листок. Еще спа-

сибо скажет, что я нашла, а не кто-то другой. Я ему: *Эй, смотри, что у меня валялось на ковре, не твое?* А он: *Нет, Саша, понятия не имею, что за бумажка. Твоя, наверное.* И кстати: может, он прав? Кто-то написал мне записку сто лет назад, а я забыла.

— Ну и? — спросил Кос. — Вернули на место?

— Не успела. Он вышел из туалета.

— А потом? После ванны? Или когда встретились в следующий раз?

— Потом он оделся и ушел. Больше я с ним не виделась.

Кос, сидевший за ее изголовьем, промолчал, но Саша знала, чего он ждет. Ей и самой ужасно хотелось сказать что-нибудь, чтобы он был доволен: *Это был поворотный момент, теперь все пойдет по-другому*, или *Я снова начала играть на арфе*, или просто *Я меняюсь, меняюсь, меняюсь. Я изменилась*. Боже, как ей этого хотелось: измениться, освободиться, избавиться. Она думала об этом ежедневно, ежеминутно, да и все мы разве не думаем о том же?

— Только, пожалуйста, — сказала она Косу, — не спрашивайте, как я себя чувствовала.

— Хорошо, — тихо ответил он.

Повисла пауза, самая долгая из их долгих пауз. Саша смотрела в окно, омываемое дождем. На улице вспыхивали огни, плыли по стеклу. Она лежала в напряжении, будто старалась впечататься в эту кушетку — свое законное место в кабинете Коса, — в это окно с куском стены, в глухой шум за окном, в каждую медленно текущую минуту: эту, и еще одну, и еще.